

СВОБОДА И РАВЕНСТВО.

(Эскизъ къ системѣ философіи права)

§ 1.

Касаясь содержанія столь животрепещущихъ понятій, какъ свобода и равенство, я думаю, что люди, у которыхъ, кромѣ практическаго — свойственнаго всѣмъ — отношенія къ разнымъ вопросамъ, есть еще и теоретическое, съ нѣкоторымъ интересомъ прочтутъ мои замѣтки. Одна изъ мыслей этихъ замѣтокъ та, что люди въ своей практической дѣятельности руководятся нѣкоторыми понятіями и основоположеніями; руководясь ими, всю жизнь хлопочутъ и даже иногда совершаютъ невѣроятные подвиги, — и, въ то же время, никому изъ нихъ не приходитъ въ голову вдуматься въ содержаніе этихъ понятій и основоположеній. Въ связи съ этимъ можетъ быть произведено подраздѣленіе людей на практической и теоретической типы: люди перваго типа кладутъ въ основу своей дѣятельности нѣкоторое цѣлевое понятіе и, не провѣряя его содержанія и смысла, порой придумываютъ весьма остроумныя средства для его достиженія; люди же втораго типа, исходя изъ вполнѣ правильной предпосылки, что если основное жизненное цѣлевое

понятіе не имѣеть смысла, то и вся основанная на немъ дѣятельность тоже безсмысленна, — эти люди постоянно провѣряютъ свои жизненные цѣли, колеблются (т. к. вѣдь истина глубока скрыта отъ насъ) и, въ силу этого, бездѣйствуютъ. Примѣромъ перваго типа служить скупою богачъ, всю жизнь придумывающій средства набить свои сундуки золотомъ, которое ему не удастся — да онъ и не желаетъ — истратить и которое, волей всемогущаго Рока, предстоитъ промотать по кабакамъ его худосочнымъ отпрыскамъ; второго же — Діогенъ-циникъ, отвергающій цѣнность всѣхъ жизненныхъ цѣлей и довольствующійся одиночествомъ и своимъ собственнымъ обществомъ. Соответственно съ этими двумя типами людей, въ философской литературѣ возникло два термина: ума и разума; первый — для обозначенія нѣкоторой практической способности непосредственно улавливать причинную связь явленій природы и при ея помощи достигать цѣлей, второй же — для обозначенія отвлеченной способности познанія при помощи понятій, сужденій и умозаключеній.

§ 2.

Однако, подхожу ближе къ главной своей темѣ. Въ данное время вся политическая жизнь всего міра вращается вокругъ понятій свободы и равенства, подобно тому какъ спутники вращаются вокругъ своей планеты. Ввиду этого интересно изслѣдовать эти понятія и связанные съ ними сужденія. Но предупреждаю, что я произвожу это изслѣдованіе не для того, чтобы провести какой-либо политическій взглядъ, а просто съ цѣлью узнать, каковы они на самомъ дѣлѣ. Другими

словами, здѣсь интересъ такой-же, какъ у физиолога, старающагося узнать процессы обмѣна веществъ въ организмѣ, или же у математика, изслѣдующаго свойства пространства и времени. Что же касается моего политическаго взгляда (хотя это къ дѣлу не относится), то, чтобы не вызвать недоразумѣнїя, напередъ скажу, что самымъ совершеннымъ изъ реально существующихъ государствъ я считаю Англійскую республику, съ ея традиціонными институтами короля и лордовъ, знаменующими собой непрерывность англійской исторїи и отсутствїе въ ней крутыхъ поворотовъ. Теперь приступимъ къ нашей проблемѣ.

Терминъ «свобода» можетъ имѣть три значенїя, которыя слѣдуетъ разсмотрѣть, чтобы опредѣлить, какое изъ этихъ значенїй имѣется въ виду въ нашей и вообще во всякой политической жизни.

1) Въ философской литературѣ подъ свободой подразумѣвается независимость психической (духовной) жизни человѣка, какъ дѣятельнаго начала, отъ закона причинности. Законъ же причинности говорить, что каждое явленїе природы, напр. В, связано всегда съ другимъ, напр. А, такъ, что если возникаетъ А, всегда и вездѣ, съ естественной необходимостью, возникаетъ и В. Но, т. к. психическая жизнь человѣка есть тоже часть природы, то, слѣдовательно, человѣкъ не воленъ въ своихъ желанїяхъ и мысляхъ, у него нѣтъ выбора, и если въ сознанїи есть нѣкоторыя мысли, то изъ нихъ роковымъ образомъ возникаютъ другїя — такъ, что человѣкъ не можетъ измѣнить ихъ естественнаго хода. Этотъ вопросъ получилъ особый интересъ для религїи, т. к. если правъ детерминизмъ, т. е. ученїе о томъ, что человѣкъ не свободенъ, — то

онъ не можетъ быть отвѣтственнымъ за свои поступки. Ясно, что въ только что упомянутомъ понятіи свободы мыслится, что если люди свободны, то — всѣ одинаково и всегда были одинаково свободны, т. к. подъ свободой подразумѣвается только полная независимость отъ закона причинности. Значить, въ политической жизни имѣется въ виду не это понятіе свободы, т. к. вѣдь къ свободѣ стремятся, т. е. предполагаютъ, что она не всегда бываетъ на лицо. Между прочимъ, самое интересное, что было написано о вышеупомянутомъ значеніи понятіи свободы, по моему, можно найти у Канта въ концѣ его «Критики чистаго разума» и въ «Критикѣ практическаго разума» и у Шопенгауэра въ его сочиненіи «О свободѣ воли». Въ русской литературѣ этому вопросу посвящена замѣчательная книга проф. Лоссаго: «Свобода воли».

2) Второе значеніе «свободы» исходитъ изъ двухъ предпосылокъ: а) что люди свободны въ первомъ смыслѣ и б) что есть причинная связь между духовнымъ и физическимъ мірами, т. е. что намѣренія людей могутъ быть причинами ихъ поступковъ, т. е. матеріальныхъ дѣйствій, расположенныхъ въ физическомъ мірѣ. И вотъ, въ данномъ случаѣ, подъ свободой подразумѣвается свобода отъ ограничивающихъ внѣшнихъ условій, т. е. та или другая степень возможностей, которой располагаетъ человѣкъ. Въ этомъ смыслѣ человѣкъ, сидящій въ своей комнатѣ, болѣе свободенъ, нежели человѣкъ, сидящій въ тюрьмѣ, такъ какъ первый можетъ не только есть хлѣбъ, пить воду и гулять изъ угла въ уголь, но и вкусно пообѣдать, пойти на бульваръ и т. д. Замѣтимъ, что въ политической жизни такого рода свобода всегда распредѣляет-

ся такъ, что одни ее имѣютъ за счетъ другихъ. Такъ, напр., у средневѣковаго барона было гораздо больше правъ, т. е. возможностей, нежели у теперешняго гражданина, а у средневѣковаго крѣпостнаго — наоборотъ. Затѣмъ, напр., греческій тиранъ обладалъ массой возможностей (правъ), въ связи съ безправнымъ положеніемъ своихъ подданныхъ. Здѣсь повторяется та же исторія: тиранъ имѣлъ безконечно больше правъ, нежели можно имѣть въ современномъ цивилизованномъ государствѣ, его же подданные — меньше. Значитъ, и въ прежнія времена была свобода и еще большая, нежели теперь (напр. право жизни и смерти однихъ надъ другими), только она была у немногихъ лицъ, за счетъ поработанныхъ массъ, теперь же она, хоть и не можетъ быть столь велика, какъ въ древности, но зато она поровну распределена. Поэтому, когда говорятъ, что раньше не было свободы, то подъ свободой подразумѣваютъ именно ея равномѣрное распределеніе. Это и представляетъ третье значеніе понятія свободы, и это значеніе и есть то, которымъ пользуются въ политикѣ. Ясно, что этотъ — третій — смыслъ свободы образуетъ частный случай второго.

3) Значитъ въ понятіи свободы, стоящемъ въ центрѣ современной политической жизни, мыслится примѣрно то же, что и въ понятіи равенства. Этимъ объясняется, что эти два термина употребляются почти какъ синонимы. Но тутъ можетъ быть добавленъ еще одинъ признакъ, являющійся какъ-бы мотивомъ, заставляющимъ людей стремиться къ свободѣ. Если вникнуть въ требованія и жалобы рабовъ всѣхъ вѣковъ, обращенныя къ ихъ господамъ, то мы увидимъ слѣдующее: «Мы, де, тоже люди, а потому нѣтъ осно-

ваній обдѣлять насъ въ правахъ». Если вникнуть во всѣ подобные дѣйствительные историческіе случаи, то можно сказать, что свобода или равенство заключается въ равенствѣ въ правахъ существъ съ одинаковой организаціей, т. е. основаніемъ всѣхъ освободительныхъ требованій всегда было: «Мы, де, тоже люди» (т. е. обладаемъ такой же организаціей, какъ и вы). Такимъ образомъ, то, къ чему человѣчество стремится, что оно считаетъ идеаломъ соціального устройства, — заключается какъ-бы въ гармоніи между политической жизнью и природой, т. е. — въ томъ, чтобы юридическія отношенія не противорѣчили естественнымъ. Идеальное заключеніе подобныхъ стремленій называется справедливостью *).

Замѣтимъ теперь, что всякій согласится, что обладателемъ правъ не можетъ быть неодушевленный предметъ, а можетъ быть только личность, т. е. сознающій себя и окружающую обстановку познающій и волящій субъектъ. Слѣдовательно, «равенство организацій», упомянутое мною въ формулѣ свободы и равенства, нужно понимать какъ равенство въ степеняхъ сознанія, т. е. индивидуумовъ, а отнюдь не въ томъ смыслѣ, что у нихъ есть одинаковыя ноги, руки и т. д.

*) Здѣсь, какъ и во всемъ послѣдующемъ изложеніи я имѣю въ виду матеріальную справедливость, стремленіе осуществить которую образуетъ содержаніе права. Что же касается формы права, т. е. его источниковъ и его стремленія къ осуществленію автономіи, — то этихъ вопросовъ я здѣсь не затрагиваю, хотя именно въ нихъ и заключается специфически - правовой моментъ всей проблемы.

§ 3.

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, однако, что два человѣка могутъ сходиться (въ принципѣ) относительно того, что понимать подъ свободой, и расходиться относительно того, что подводитъ подъ понятіе свободы, т. е., въ данномъ случаѣ, кого считать за существа съ одинаковой организаціей. Поэтому я замѣчу, что всѣ упреки, дѣлаемые древнему міру и среднимъ вѣкамъ въ томъ, что тогда, де, неправильно понимали свободу, т. к. существовало рабство, — неосновательны и что, какъ это ни странно, рабство не противорѣчитъ свободѣ. Древніе, напр., римляне, достигли полнаго пониманія свободы въ вышеуказанномъ смыслѣ, но равными по организаціи считали только себя, римлянъ, рабовъ же даже не считали за людей и называли говорящей вещью. У грековъ же, для обозначенія расъ настолько низкихъ, по ихъ мнѣнію, въ интеллектуальномъ отношеніи, что ихъ ни въ какомъ случаѣ нельзя сравнивать съ греками, служило слово варваръ. И то, что въ основѣ этого термина лежала мысль, что другіе народы варвары не потому, что они другого происхожденія съ греками, а потому, что они менѣе одарены въ интеллектуальномъ отношеніи, — видно хотя-бы изъ словъ Исократъ, который въ одной изъ своихъ рѣчей говоритъ какъ-бы отъ лица великаго по своей одаренности греческаго народа: «Эллинами слѣдовало-бы называть не одинаковыхъ съ нами по происхожденію людей, а одинаковыхъ по степени культуры», — Исократъ, повидимому, усмотрѣлъ, что и среди «варваровъ» въ его время встрѣчались одаренные люди. Польша тоже является примѣромъ вышесказаннаго. Поляки, т. е., вѣрнѣе, польскіе дворяне, достиг-

ли представленія полного равенства. Они дошли даже до того, что избѣгали употреблять различные по достоинству титулы — князя, графа и т. д. (эти титулы вошли въ моду лишь при Саксонской династїи), а пользовались при фамиліи безразличнымъ терминомъ «панъ» (терминъ, по моему, эквивалентный теперешнимъ «товарищъ» или «гражданинъ»). Все это дѣлалось, чтобы не нарушать равенства шляхты-народа. Крестьянъ же они, повидимому, просто не считали за людей (людьми вообще, а не привилегированнымъ сословіемъ, были они — народъ-шляхта). Это видно хотя-бы изъ того, что крестьяне («быдло») даже не упоминаются среди сословій, которыхъ было только три: рыцарство (шляхта), сенаторскій станъ и король. Поляки всегда грезили римской республикой и свободу понимали именно въ римскомъ духѣ — свобода равныхъ на основѣ рабства низшихъ. Между прочимъ, тому, кто интересуется этой любопытнѣйшей по своимъ классическимъ тенденціямъ страной, я посоветую книгу д-ра Кутшебы о государственномъ устройствѣ Польши.

Если кто опрометчиво назоветъ мою фразу: «рабство не противорѣчитъ свободѣ», софизмомъ, я, забѣгая впередъ замѣчу, что даже самый крайній социалистъ, считающій справедливостью не только отсутствіе частной собственности на орудія производства, но видящій ее въ полной общности имущества, и тотъ допускаетъ рабство въ видѣ эвѣрской эксплуатаціи животныхъ: лошадей, собакъ и т. д., а вѣдь у иныхъ собакъ, напр., у пуделей, взглядъ бываетъ иногда гораздо болѣе осмысленнымъ, нежели у нѣкоторыхъ людей. Но объ этомъ послѣ. Теперь же, чтобы рѣшить вопросъ, какія существа нужно считать за существа съ одинаковой организаціей, обратимся

къ естественнымъ наукамъ и посмотримъ, что онѣ говорятъ по этому поводу.

§ 4.

Естественныя науки утверждаютъ, что между имѣющимися на лицо различными видами живыхъ существъ нѣтъ принципіальной разницы, а только количественная — въ степени развитія. Другими словами, весь рядъ живыхъ существъ, начиная отъ амебы и кончая человѣкомъ, представляетъ собой какъ-бы лѣстницу, каждая ступень которой представляетъ различную степень совершенства и развитія. Ученіе Дарвина объясняетъ это тѣмъ, что всѣ живыя существа, не исключая человѣка, возникли изъ одного общаго начала, подчиняясь однимъ и тѣмъ же законамъ приспособленія, наслѣдственности и естественнаго отбора. Упомянутое мною постепенное развитіе нужно относить и къ психической области, т. е. къ степени сознательности живыхъ существъ. (*) Если начать мысленно, въ воображеніи, передвигаться отъ человѣка съ его яркимъ сознаниемъ къ амебѣ, то мы увидимъ здѣсь тоже постепенно убывающія степени совершенства. Подобно тому какъ свѣтъ, постепенно удаляясь отъ своего источника, переходитъ въ отсутствіе свѣта, такъ и сознание человѣка, котораго нѣкоторые, напр., Реклю, справедливо называютъ природой, познающей самое себя, — переходитъ къ тусклому сознанию амебы, почти его отсутствію, но которое мы все-таки должны допустить, т. к. природа въ данномъ случаѣ не знаетъ скачковъ. У человѣка мы видимъ отвлеченное познание и достиженіе сложныхъ цѣлей; двигаясь внизъ, мы

*) См. В и н д ж ъ «Душа человѣка и животныхъ». т. I, лекція 2.

видимъ, напр., у собакъ, цѣлесообразныя движенія, но ими руководить по большей части уже только непосредственная цѣль; далѣе — лишь рефлексивныя, импульсивныя и инстинктивныя движенія — послѣднія уже не вполнѣ цѣлесообразныя (любопытный случай по этому поводу есть, относительно осы «церцеришь», у проф. Мечникова, въ «Этюдахъ о природѣ человѣка»); и, наконецъ, мы видимъ только процессы питанія и передвиженія, которые обыкновенно называются совершенно безсознательными и т. д. Профессоръ же Вундтъ идетъ еще далѣе и одухотворяетъ даже каждый атомъ.

Такимъ образомъ, живыя существа представляютъ собой какъ-бы цѣпь, различныя звенья которой различны въ смыслѣ степени развитія и сознательности. Но, т. к., повторяю, природа въ этой области не знаетъ скачковъ, то и въ предѣлахъ каждаго звена можно различить опять-таки болѣе мелкія звенья. Въ предѣлахъ человѣчества это проявляется въ подраздѣленіи на расы, которыя тоже не эквивалентны въ смыслѣ развитія и одухотворенности. Всякій, напр., кто внимательно изучалъ древнюю исторію, скажетъ, что, напр., между геніальнымъ греческимъ народомъ и между жалкими, въ отношеніи логическаго мышленія, египтянами лежала пропасть. Въ предѣлахъ отдѣльной расы и даже народа встрѣчаются опять различныя степени даровитости. Я, конечно, имѣю въ виду раздѣленіе людей не по степени образованія и, такъ называемой, интеллигентности, а исключительно по природной одаренности. Любопытно, что встрѣчаются люди совершенно необразованные и въ то же время обладающіе удивительнымъ умомъ (т. е. творческой, самостоятельной способностью сужденія) и люди съ большимъ

образованіемъ, напр., даже профессора, удивительно напоминающіе попугаевъ. Еще примѣръ: два брата получаютъ одно и то же образованіе и воспитаніе; въ результатѣ, одинъ умный, даже гениальный, другой — полный ноль *). Вообще роль образованія по отношенію, напр., одаренныхъ отъ природы людей можно сравнить со шлифовкой для алмаза: отъ шлифовки онъ, хотя и не дѣлается болѣе цѣннымъ, но зато выигрываетъ въ блескѣ.

§ 5.

Теперь уже можно перейти къ нѣкоторымъ выводамъ, выливающимся въ форму антитезы, которая, какъ мы увидимъ въ дальнѣйшемъ изложеніи, находитъ въ жизни свое своеобразное разрѣшеніе (т. е. синтезъ). Помня, съ одной стороны, что равенство есть равенство въ правахъ существъ съ одинаковой организаціей, т. е. съ одинаковой степенью развитія и сознательности, и, съ другой стороны, что, если всматриваться въ факты, это развитіе и сознательность не могутъ быть пріобрѣтены никакимъ образованіемъ, т. к. они бываютъ чисто прирожденными, — нужно придти къ слѣдующей альтернативѣ:

ТЕЗИСЪ

(Или) — Нужно (съ теоретической точки зрѣнія) объявить нелѣпой мысль, что всѣ люди д о л ж н ы быть равны въ правахъ, т. к. вѣдь они не равны въ смыслѣ п р и р о ж д е н н о й каждому изъ нихъ степени сознанія. Конечно, я имѣю здѣсь въ виду не раздѣленіе людей по сословіямъ

*) А сколько болвановъ сидѣло съ маленькимъ Кантомъ на однихъ и тѣхъ же скамьяхъ!

и даже не по степени образованія, а исключительно по степени прирожденной одаренности. Значитъ, исходя изъ формулы равенства, люди и въ смыслѣ правъ *должны* представлять постепенно убывающій рядъ, т. к. только при этомъ условіи юридическія отношенія не будутъ противорѣчить естественнымъ, что, какъ было указано выше, и представляетъ собой то, что называется справедливостью.

АНТИТЕЗИСЪ

(Или-же) — Если мы отвлекаемся отъ различія людей и требуемъ всѣмъ одинаковыхъ правъ, мы должны, чтобы быть послѣдовательными, отвлекаться и отъ различія людей и, такъ называемыхъ, «животныхъ» и признавать эти права и за ними. Вѣдь если мы даемъ одинаковыя права, напр., старому Канту и какому-либо готтентоту, то я не понимаю, почему этихъ правъ нельзя дать и высшимъ породамъ обезьянъ и другимъ животнымъ. Вѣдь, клянусь Зевсомъ, между Кантомъ и готтентотомъ, въ смыслѣ прирожденной одаренности, пожалуй, большая разница, нежели между готтентотомъ и шимпанзе. То, что одни называются людьми, а другіе — животными — различіе чисто условное, основанное, напр., на присутствіи рѣчи. Но, во-первыхъ, между расчлененной и полной разныхъ логическихъ формъ рѣчью Канта и жалкимъ мычаньемъ готтентота — нѣльзя пропасть, а во-вторыхъ, можно полагать, что и у высшихъ породъ обезьянъ тоже существуетъ нѣчто вродѣ рѣчи. Такъ въ одной книгѣ Лютгенау: «Естественная и социальная религія», въ примѣчаніи, я встрѣтилъ указаніе, что одинъ ученый изслѣдовалъ языкъ обезьянъ и

что данныя имъ свѣдѣнія вполне соотвѣтствуютъ тѣмъ, которыя имѣются объ языкѣ первобытныхъ людей. Впрочемъ, это не столь важно, и я думаю, что мысль даннаго антитезиса и безъ того ясна.

Такимъ образомъ, съ этой точки зрѣнія (т. е. по антитезису), въ новомъ цивилизованномъ государствѣ какъ будто не должна имѣть мѣста дьявольская эксплуатація животныхъ, напр. лошадей, и за ними тоже должны быть признаны права. Вѣдь онѣ (т. е. лошади) только по своей глупости не бунтуютъ противъ людей, а это, конечно, съ точки зрѣнія современнаго взгляда на свободу, не можетъ являться достаточнымъ основаніемъ, чтобы держать ихъ въ рабскомъ состояніи. Это вѣдь дало бы право любому человѣку, обманувъ подобныхъ себѣ, захватить надъ ними власть, на подобіе греческаго тирана. А вѣдь этого никогда не рѣшится утверждать человѣкъ, проникнутый современными принципами свободы.

Эти странные сами по себѣ положенія (члены антитезы) не покажутся столь странными, если твердо помнить, что здѣсь имѣется въ виду не практическое осуществленіе, а лишь идея. Какъ реализуются въ жизни данныя положенія и какъ осуществляется ихъ синтезъ, мы увидимъ въ дальнѣйшемъ изложеніи. Второе «или» даже, пожалуй, менѣе странно, нежели первое. Право, вѣдь, имѣеть, въ концѣ концовъ, соприкосновеніе (а многіе его даже отождествляютъ) съ моралью. Мораль же сперва распространялась на свой народъ, затѣмъ — въ христіанствѣ — распространилась на все человѣчество, а въ XIX вѣкѣ Шопенгауэръ объявилъ объектами состраданія, а слѣдовательно, и моральнаго отношенія даже животныхъ.

§ 6. СИНТЕЗИСЪ.

Во всемъ предыдущемъ нами была намѣчена дилемма, роковымъ образомъ возникающая передъ духовнымъ взоромъ человѣка, поставившаго себѣ задачей анализъ понятій свободы и равенства. Но эти два пути, по которымъ, повидимому, неизбежно устремляется человѣческой разумъ, имѣютъ не только логическое, но также и политическое значеніе. Тутъ мы стоимъ передъ источникомъ постояннаго раздѣленія людей на сторонниковъ эгалитарной политики и политики привилегій — сословныхъ, національныхъ или расовыхъ. Конечно, здѣсь имѣется въ виду лишь теоретическое раздѣленіе людей въ области политики, а не ихъ дѣйствительное политическое направленіе, которое вѣдь можетъ опредѣляться и личной выгодой.

Если трактовать это раздѣленіе всего міра на два политическихъ лагеря въ терминахъ англійскаго парламентаризма, то можно сказать, что и въ жизни вообще, какъ и въ англійскомъ парламентѣ, общее направленіе развитія опредѣляется ритмической смѣной вліяній этихъ двухъ партій, — причемъ жизнь, такъ же какъ и англійская политика, движется въ какомъ-то третьемъ, среднемъ между двумя крайностями, направленіи. Каково-же это направленіе и какъ на дѣлѣ разрѣшается жизнью намѣченная нами дилемма? На эти вопросы я постараюсь отвѣтить слѣдующимъ путемъ: сперва я укажу к о м п р о м и с с и у ю с х е м у, по которой жизнь примиряетъ оба звена нашей антитезы (статическая формула синтеза), а потомъ я укажу на т о н а п р а в л е н і е, въ которомъ, въ предѣлахъ указанной схемы, происходитъ развитіе политической жизни и правового сознанія человѣчества (эволюціонная формула синтеза). Конечно, все это —

только гипотезы, основанныя какъ-бы на непосредственномъ интеллектуальномъ созерцаніи всего разнообразія исторической жизни, и никакая индуктивная провѣрка тутъ невозможна; здѣсь можетъ быть только иллюстрація примѣрами.

Статическая формула синтеза.

Указанная мною выше схема примиренія противоположныхъ звеньевъ нашей дилеммы заключается, по моему, въ слѣдующемъ:

1). **О п р е д ѣ л е н н о с т ь п р а в а .** — Какъ бы жизнь ни стремилась установить равенство (антитезисъ), она всегда, въ согласіи съ принципомъ неравенства (тезисъ), осуществляетъ это равенство лишь въ предѣлахъ болѣе или менѣе точно ограниченной группы живыхъ существъ, вовнѣ которой находятся существа низшія. Исторически это подтверждается существованіемъ сословій равныхъ между собой особей, на основѣ исключенія низшихъ (патриціи и плебеи, римскіе граждане и провинціалы). Такими же примѣрами могутъ служить избранные народы (англичане и continental) и расы (бѣлые и черные). Тотъ же принципъ лежитъ въ основѣ религіознаго дѣленія индусовъ на касты. Принципъ этотъ можно назвать **р а з у м н ы м ъ** въ томъ смыслѣ, что разумъ, сообразно своей формѣ утвердительныхъ и отрицательныхъ сужденій, отвѣчаетъ всегда на всѣ вопросы только «да» или же «нѣтъ» и тѣмъ устанавливаетъ принципъ прерывности. Какъ бы мы ни хотѣли объявить всѣхъ живыхъ существъ равными, мы всегда бываемъ принуждены гдѣ-либо остановиться и практически построить **п р е д ѣ л ь** своему движенію внизъ по лѣстницѣ развитія, — испуганные обезьяньей челюстью того, кому мы хотимъ дать равныя права. Сколь

это вѣрно, видно хотя-бы изъ одной блестящей недавней статьи Діонео въ «Послѣднихъ Новостяхъ», гдѣ онъ описываетъ смущеніе бѣлаго населенія Южной Африки передъ все возрастающими требованіями негровъ Банту. Интересно отмѣтить, что требуя себѣ равныхъ съ бѣлыми правъ, эти Банту, въ свою очередь исключаютъ изъ своей формулы равенства другихъ негровъ (готтентотовъ и бушменовъ), считая ихъ низшей расой.

Яркое проявленіе этого принципа въ политической жизни римлянъ и англичанъ я подчеркиваю въ своей книгѣ: «Эстетическій принципъ въ исторіи» (УМСА-Press, Paris 1931).

Итакъ вышеописанный пріемъ, очевидно, неизбеженъ. Его нельзя приписать злой волѣ людей, т. к. онъ, повидимому, вытекаетъ изъ самой структуры разума и его принципа прерывности и опредѣленности.

II.) Адекватность права. — Далѣе: согласно формулѣ равенства, въ предѣлахъ выдѣленной группы устанавливается равенство правъ; но это равенство является только формальнымъ, т. к. люди уравниваются лишь относительно закона, т. е., такъ сказать, относительно правилъ игры. Такимъ образомъ, при формальномъ равенствѣ, устанавливается потенциальное неравенство, чѣмъ удовлетворяется формула гармоніи природы и права, т. е. справедливость. Если первый пріемъ соответствуетъ прерывности разума, то второй (разбираемый сейчасъ), соответствуетъ непрерывности природы. Идея этого второго пріема можетъ быть сведена къ той мысли, что люди, конечно, должны быть равны въ правахъ, если ихъ разсматривать какъ «правила игры»; что же касается дѣйствительнаго, фактическаго раздѣленія правъ и благополучія, то жизнь должна быть по-

строена такъ, чтобы каждый страдалъ, такъ сказать, по своей винѣ и каждый же, въ свою очередь, получалъ бы награду за свою собственную цѣнность, каковой, согласно всему предыдущему, является степень его одухотворенности. Эта формула находитъ подтвержденіе въ законодательствѣ почти всѣхъ народовъ.

Двумя вышеизложенными приѣмами достигается примиреніе противоположностей нашей дилеммы. Этой схемой практически достигается, правда лишь въ общихъ чертахъ, реализація основной идеи правовой структуры человѣчества, а именно — гармоніи между юридическими отношеніями и отношеніями естественными. Іерархія правъ и возможностей должна соотвѣтствовать іерархіи духа.

§ 7. Эволюціонная формула синтеза.

Имѣя въ нашемъ распоряженіи статическую схему примиренія противоположностей нашей дилеммы, намъ остается сосредоточить наше вниманіе на другомъ интересномъ вопросѣ, а именно: если данная нами стратегическая схема синтеза вѣрна, то въ чемъ заключается тогда развитіе правового сознанія человѣчества? Въ какомъ направленіи идетъ данное развитіе и какъ оно укладывается въ уже данную нами схему, т. е. другими словами, въ чемъ заключается эволюціонная схема вышеуказаннаго синтеза?

Я думаю, что правовая эволюція, какъ и вообще всякая духовная эволюція, заключается въ постепенномъ уточненіи и приспособленіи принципа прерывности разума къ непрерывности природы, т. е. — въ томъ, что разумъ все болѣе и болѣе дифференцируетъ

свои формулы, чтобы стать вполне, так сказать, адекватнымъ природѣ. Тамъ, гдѣ раньше для разума было только черное и бѣлое, — оказываются неожиданно тысячи нюансовъ и подраздѣленій; разумъ старается къ нимъ приспособиться все дальше и дальше, причемъ процессъ этотъ идетъ въ безконечность, т. е. разумъ, съ системой своихъ понятій, никогда не теряетъ характера прерывности и, такимъ образомъ, неадекватности природѣ. Въ этомъ отношеніи человѣческій духъ подобенъ многоугольнику, вписанному въ кругъ, который никогда съ нимъ не сольется, какъ бы ни увеличивали числа его сторонъ. Если посмотрѣть теперь, какъ реализуется данная мысль въ примѣненіи къ обоимъ аспектамъ нашей компромиссной статической схемы, т. е. въ отношеніи къ опредѣленности и адекватности права, — то въ развитіе правосознанія мы можемъ обнаружить нѣсколько основныхъ моментовъ, которыми мы теперь и займемся. Для ясности условимся стороны права, изъ которыхъ вытекаетъ тотъ или другой моментъ, обозначать римскими цифрами, моменты же — цифрами арабскими, причемъ моментамъ будемъ вести единую нумерацію, независимо отъ того, изъ какой стороны они вытекаютъ.

I. 1) Демократическій моментъ. — Прогрессъ правового сознанія человѣчества выражается прежде всего въ томъ, что объемъ группы равныхъ между собой особей все больше и больше расширяется. Граница равныхъ и низшихъ все дальше и дальше отодвигается, такъ сказать, отъ источниковъ возникновенія права и, благодаря этому, охватываетъ все большее и большее количество существъ, признанныхъ достойными быть включенными въ «игру» и подчиненными однимъ и тѣмъ

же «правиламъ игры», т. е. законамъ. Въ исторіи Рима мы имѣемъ особенно краснорѣчивый примѣръ этого явленія. Сперва патриціи противопоставляются плебеямъ, затѣмъ граждане — италикамъ, италики — провинціаламъ и, наконецъ, всѣ обитатели Имперіи — варварамъ. Другимъ примѣромъ можетъ служить развитіе европейскаго правосознанія: покончивъ съ крѣпостничествомъ, оно, въ XIX вѣкѣ, покончило и съ чернымъ рабствомъ, но это послѣднее — только *de jure*, т. к., *de facto* различіе между цвѣтными и бѣлыми продолжаетъ существовать въ идеѣ колониальной политики. Впрочемъ и данная идея, уже на моихъ глазахъ, значительно поблекла, т. к. въ настоящій моментъ европейское правосознаніе уже склонно въ «игру» на равныхъ правахъ, напр., китайцевъ и вообще всѣхъ монголовъ. (*) Черта, отдѣляющая равныхъ и низшихъ, все время передвигается; возможно, что въ предѣлы равныхъ скоро будетъ включено все человѣчество и граница подойдетъ къ самому «товарищу» шимпанзе. Но мѣняется ли отъ этого принципъ? Нисколько: всегда, внѣ группы равныхъ, будутъ юридически низшіе жиwyя существа. Это необходимо вытекаетъ изъ опредѣленности права.

II). Если мы теперь обратимся ко второму аспекту нашей примирительной схемы, т. е. къ адекватности права, — то легко замѣтить слѣдующее:

Цѣль устанавливаемого въ предѣлахъ группы формальнаго равенства заклю-

*) Между областями опредѣленности и адекватности права можетъ быть констатировано то своеобразное отношеніе «сообщающихся сосудовъ», по которому слишкомъ быстрое и необдуманное расширеніе первой, влечетъ за собой рѣзкое пониженіе общаго уровня второй, т. е. правосознанія. Въ этомъ отношеніи быстрая демократизація общества вполне напоминаетъ нашествіе варваровъ. Въ этомъ — одна изъ причинъ теперешняго кризиса.

чается, какъ было указано, въ томъ, чтобы создать фактическое неравенство, т. е. такое, которое вытекало-бы изъ достоинствъ (цѣнностей) и недостатковъ того или другого человека, и тѣмъ утвердить іерархію фактическихъ правъ, сообразно іерархіи одухотворенности. Законы, регулирующие отношенія людей, играютъ при этомъ роль о д и н а к о в ы хъ для всѣхъ правилъ состязанія, помогающихъ опредѣлить жизненную цѣ н н о с т ь того или же другого человека. Въ результатѣ — одни выигрываютъ, другіе проигрываютъ. При разсмотрѣніи этого фактического неравенства людей, какъ слѣдствія «игры», важно принять во вниманіе слѣдующія соображенія.

Т. к., сообразно развитой выше идеѣ права, справедливость требуетъ, чтобы фактическое неравенство благополучій и правъ соотвѣтствовало неравенству въ одухотворенности того или же другого индивидуума, — то формальное равенство (т. е. законъ игры) должно быть построено такъ, чтобы конкретной причиной конкретного благополучія (т. е. выигрыша) того или же другого индивидуума являлся бы въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ именно его внутренній духовный факторъ, а не какія-либо внѣшнія, т. е. случайныя, обстоятельства. Другими словами, эту мысль можно формулировать слѣдующимъ образомъ: справедливость требуетъ, чтобы фактическія отношенія благополучій людей опредѣлялись духовной причинностью.

Эту тенденцію права перерабатывать техническую причинность въ причинность духовную

можно понимать въ двухъ диаметрально противоположныхъ смыслахъ. Во первыхъ, въ смыслѣ бергсонизма, т. е. какъ стремленіе къ внесенію въ жизнь н о в и з н ы и т в о р ч е с т в а, а во вторыхъ, въ трансцендентальномъ смыслѣ, какъ перерабатываніе закона основанія быванія (*ratio fiendi*) въ законъ основанія познанія (*ratio cognoscendi*) и какъ перенесеніе центра тяжести жизни изъ плоскости пространства, гдѣ все движется, въ плоскость смысла — своего рода «духовное пространство» — гдѣ все неизмѣнно. Однако, какъ при одномъ толкованіи, такъ и при другомъ, становится одинаково яснымъ, что въ жизни механика силъ замѣняется постепенно борьбой интересовъ, а эта послѣдняя — контроверзіей идей.

Высказанный мною *explicite* принципъ, *implicit* всѣмъ хорошо извѣстенъ. Когда садятся играть въ карты, то всегда такъ стараются формулировать условія игры, чтобы на выигрышъ имѣлъ вліяніе только фактъ большаго или меньшаго умѣнія того или же другого игрока, а не какія бы то ни было случайныя обстоятельства (здѣсь я исключаю азартныя игры). Другимъ примѣромъ можетъ служить игра въ теннисъ. Специфическимъ моментомъ умѣнія играть въ теннисъ является способность принимать мячъ любой силы въ любомъ направленіи, а всѣмъ не способность неумоимо бѣгать; въ связи съ этимъ возникаетъ идея лояльной и нелояльной игры. Можно такъ отбивать мячъ, чтобы противникъ принужденъ былъ бѣгать съ одного конца площадки на другой и сильно утомляться. Это, такъ называемый, «подлый» способъ игры, который даетъ преимущество болѣе молодому и проворному на ноги. Другой способъ — посылать

«корректно» мячъ, хотя бы и очень сильный, въ предѣлы сравнительно легко достижимые для ногъ противника. Очевидно второй пріемъ болѣе правильный, т. к. онъ отчетливѣе можетъ выдѣлить специфически - теннисный моментъ умѣнія противниковъ. Въ первомъ же случаѣ, молодой игрокъ имѣетъ всегда не-легальное преимущество надъ пожилымъ и игра напоминаетъ скорѣй состязаніе въ бѣгъ. Въ послѣднемъ случаѣ гораздо лучше установить прямо бѣгъ на разстояніе или же на скорость. Я поэтому всегда стою за игру, во-первыхъ, безъ «корридоровъ», а во вторыхъ, — съ небольшимъ количествомъ сетовъ. Этотъ примѣръ съ теннисомъ, по моему, очень краснорѣчивъ и чрезвычайно полезенъ при дальнѣйшемъ анализѣ правосознанія людей.

§ 8.

Теперь, исходя изъ намѣченнаго выше основнаго принципа развитія права, заключающагося въ томъ, что оно стремится такъ регламентировать отношенія людей, чтобы рѣшающимъ факторомъ въ жизненной борьбѣ вообще и въ отдѣльныхъ столкновеніяхъ людей былъ духъ, а не случайныя, физическія обстоятельства; принявъ, кромѣ того, во вниманіе приведенный выше примѣръ игры и пользуясь имъ для рѣшенія вопроса по аналогіи, — постараюсь выдѣлить новые характерные моменты въ развитіи права вообще. Эти моменты вытекаютъ изъ стороны адекватности права, подобно тому какъ упомянутый выше демократическій моментъ вытекалъ изъ стороны определенности права. Моменты эти слѣдующіе (продолжаю начатую нумерацію):

2. Дифференцирующій моментъ, который можетъ быть также названъ индивидуа-

лизирующимъ, т. к. онъ сводится къ все большему и большему уточненію и обособленію понятія субъекта права. Вначалѣ личность мыслится какъ недифференцированная часть рода; она несетъ отвѣтственность за весь родъ и родъ, въ свою очередь, отвѣчаетъ за ея проступки. Этой фазѣ соотвѣтствуетъ родовая вира и почти неограниченное право наслѣдства. Развитие въ этой области сводится къ тому, что правосознаніе начинаетъ постепенно рассматривать связь родства какъ случайное, физическое обстоятельство, которое не должно имѣть рѣшающаго вліянія на благополучіе (въ самомъ широкомъ смыслѣ слова) и недостатокъ даннаго человѣка и опредѣлять его положенія на соціальной лѣстницѣ. Какъ слѣдствіе этого момента въ развитіи права, постепенно исчезаютъ привилегированныя сословія и само право наслѣдованія сильно ограничивается. Говорятъ, что въ настоящее время, благодаря налогамъ на наслѣдство, крупнаго лордскаго состоянія хватаетъ самое большее на три поколѣнія, послѣ чего нужно снова думать о средствахъ самообезпеченія. Надо полагать, что, въ концѣ концовъ, право наслѣдованія совсѣмъ сойдетъ на нѣтъ, и благополучіе личности будетъ опредѣляться только ея личной духовной цѣнностью, проявленной въ теченіе жизни.

Чрезвычайно любопытно, что аналогичный процессъ дробленія и уточненія происходитъ также и въ предѣлахъ жизни отдѣльной личности. Представимъ себѣ личность, которая создала свое благополучіе своей духовной цѣнностью. Раньше она могла почить на лаврахъ, такъ сказать, «опуститься» и жить съ доходовъ имущества, пріобрѣтеннаго ея прежней духовной цѣнностью. Этой фазѣ развитія права соотвѣтствуетъ суще-

ствованіе рантѣе. Въ этомъ пунктѣ процессъ развитія права сводится къ тому, чтобы приравнять, сдѣлать адекватнымъ благосостояніе даннаго момента — данному состоянію сознанія субъекта права: если субъектъ хочетъ пользоваться тѣми-же благами и сохранить тотъ же уровень жизни, какъ раньше, — онъ долженъ поддерживать свой духъ на той же высотѣ, какъ и раньше. Какъ, въ правовомъ отношеніи, изъ рода выдѣляется личность, — такъ и жизнь отдѣльнаго человѣка разбивается на рядъ отдѣльныхъ моментовъ, изъ которыхъ каждый является какъ-бы отдѣльной личностью, имѣющей особое право на определенное жизненное благополучіе. Выходитъ, что правосознаніе стремится, повидимому, къ тому, чтобы благосостоянія и правъ нельзя было наследовать не только отъ своихъ предковъ, но даже и отъ самого себя. Эта послѣдняя тенденція въ развитіи права еще недостаточно опредѣлилась, однако иредвѣстникомъ ея слѣдуетъ считать то, что рантѣе приходится все туже и туже. Уже наша эпоха такова, что если вы не будете думать о томъ, какъ бы сохранить свой капиталъ и какъ бы его лучше пристроить, — онъ скоро у васъ исчезнетъ. Это стремленіе жизни ограничить въ извѣстныхъ предѣлахъ процентъ на капиталъ поднимаетъ массу сложныхъ вопросовъ, каждый изъ которыхъ достоинъ спеціальнаго разсмотрѣнія.

Ко всему сказанному слѣдуетъ прибавить, что дифференцирующему моменту соответствуетъ также и то, что въ жизни все меньше и меньше имѣютъ значеніе дипломы и званія, разна всегда полученные, и человѣкъ все болѣе и болѣе характеризуется занимаемой имъ въ данный моментъ должностью или выполняемой функціей.

3). Соціальный моментъ въ развитіи права можетъ быть обнаруженъ, исходя изъ слѣдующаго умственного эксперимента. Представимъ себѣ пароходъ въ морѣ и на немъ нѣсколько пассажировъ, изъ которыхъ каждый обладаетъ имуществомъ, идеально соответствующимъ его духовной цѣнности. Другими словами, эти различныя по величинѣ имущества пріобрѣтены идеально-законно, т. е. при овладѣваніи ими въ жизненной борьбѣ рѣшающую роль играла та или другая степень одухотворенности того или другого пассажира. Представимъ себѣ далѣе, что корабль погибъ и всѣ эти пассажиры оказались на плоту, успѣвъ захватить съ собою только ручные чемоданы, причемъ въ чемоданѣ самаго бѣднаго изъ нихъ случайно оказался каравай хлѣба, законно ему принадлежащій. Теперь спрашивается: будетъ ли раздѣлъ этого хлѣба на равныя части ничѣмъ неоправдываемымъ насиліемъ, или же актомъ вполне соответствующимъ природѣ права въ его процессѣ развитія? Я думаю, что послѣднее болѣе справедливо, — и по слѣдующимъ соображеніямъ. На сушѣ обладаніе этимъ хлѣбомъ относительно необладающихъ было совершенно справедливо, ибо, какъ мы условились, хлѣбъ этотъ пріобрѣтенъ въ жизненной борьбѣ тѣмъ способомъ, что рѣшающимъ факторомъ при завладѣніи имъ былъ духъ даннаго индивидуума. Въ данный же моментъ, на плоту, обладаніе этимъ хлѣбомъ опредѣляется случайнымъ обстоятельствомъ — нахожденіемъ его въ чемоданѣ, а не духовной цѣнностью его обладателя, которая у другихъ пассажировъ можетъ быть даже и выше. Поэтому то раздѣлъ хлѣба на равныя куски (*points de depart*) и является вполне правомѣрнымъ. Если же послѣ раздѣла хлѣба кто-либо, по слабости характера, съѣстъ

свою часть въ первый же день, то онъ не въ правѣ требовать новаго раздѣла, а можетъ рассчитывать только на милосердіе. По аналогіи съ этимъ примѣромъ, можно сказать, что всѣ социальные мѣры вообще только тогда справедливы и правомѣрны, когда онѣ направлены именно на торжество духа и его свободы надъ случайностью. Такихъ случаевъ въ жизни довольно много. Т. к. количество реальныхъ возможностей въ той или другой области благополучія можетъ быть, благодаря обстоятельствамъ, ограничено, то и отношеніе къ нимъ людей можетъ зачастую опредѣляться не духовнымъ факторомъ, а случайными обстоятельствами, — хотя бы потому, что этихъ возможностей не хватитъ на всѣхъ, кто ихъ желаетъ и кто ихъ достоинъ. Область, такъ сказать, пространства, т. е. аграрная область, — наиболѣе яркій примѣръ. Допустимъ, что земельная территорія данной страны равна 100 единицамъ, а среди гражданъ имѣется 200 человекъ, изъ которыхъ каждый достоинъ и способенъ, при конкуренціи съ остальными гражданами (кромѣ этихъ 200), овладѣть въ жизненной брѣбѣ 5 единицами данной земли. Очевидно въ этой области количество возможностей значительно ниже нежели общая сумма соответственныхъ способностей (достоинствъ) и желаній; поэтому, чтобы избѣжать вліянія случайности при овладѣніи землей, право владѣнія землей приходится въ данномъ случаѣ регламентировать и ограничивать. Подобная же регламентація возникаетъ неизбежно и въ промышленной области, лишь только становится яснымъ, что положеніе индивидуума на іерархической лѣстницѣ производства опредѣляется не его достоинствами и свободнымъ выборомъ, а случайными обстоятельствомъ

ми. Изъ всего сказаннаго ясно, что регламентація необходима и правомѣрна только тогда, когда количество возможностей въ данной области исчерпано и когда реализація ихъ однимъ человѣкомъ происходитъ за счетъ свободы реализації этихъ возможностей другимъ. Если же эти возможности не исчерпаны, то всякая регламентація является глупостью и демагогіей.

§ 9.

4). Аксиологическій или цѣнностной моментъ. — Кроме упомянутыхъ выше, есть, повидимому, еще одинъ очень важный моментъ въ развитіи права. Моментъ этотъ я только намѣчаю, избѣгая, по возможности, всякихъ рѣшительныхъ выводовъ, — и это послѣднее объясняется именно исключительной важностью даннаго момента. Въ предыдущемъ изложеніи мы пришли къ такому опредѣленію развитія права, по которому оно является тенденціей къ установленію такихъ законовъ, т. е. «правилъ игры», при которыхъ рѣшающимъ моментомъ въ побѣдѣ въ жизненной борьбѣ (т. е. за матеріальныя блага въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова) — были бы духовное начало и духовная причинность, какъ таковыя. Другими словами, основная цѣль правовыхъ стремленій людей — это согласованіе и адекватность матеріальныхъ и духовныхъ цѣнностей. Изъ этого опредѣленія становится совершенно яснымъ, что развитіе права зависитъ поэтому и отъ того, что люди въ ту или другую эпоху мыслятъ въ понятіи духовное начало и духовная цѣнность, — т. е. отъ ихъ аксиологическаго и метафизическаго сознанія. Мы уже говорили выше, что всѣ живыя су-

щества, отъ амебы до человѣка, по степени своей одухотворенности, могутъ быть какъ-бы выстроенны въ рядъ, съ постепенно прибывающей и убывающей цѣнностью. Въ предѣлахъ человѣчества этому ряду соотвѣтствуетъ дѣленіе на расы или, если оспаривать это послѣднее, — во всякомъ случаѣ, на отдѣльныя группы людей, т и п ы у м о в ъ которыхъ неравноцѣнны. Для насъ особенно важенъ послѣдній моментъ, а именно: можетъ-ли существовать разноцѣнность среди людей, признанныхъ нами за «умныхъ», но умы которыхъ разнаго типа? Я думаю, что эту разноцѣнность можно обосновать и что ее *implicite*, безсознательно признаютъ всѣ люди. Несомнѣнно и Фордъ и Ньютонъ — оба умные люди, но умы ихъ разнаго типа. Однако, если все-таки будутъ настаивать на ихъ сравненіи и относительной оцѣнкѣ, — мы, несомнѣнно, отдадимъ преимущество Ньютону. Если же къ нимъ присоединить еще Канта, то я, напр., поставлю его выше Ньютона, хотя умъ его, очевидно, тоже новаго, относительно Ньютона, типа. Въ пользу этой относительной субординаціи умовъ можно привести много основаній, какъ на примѣръ: характеръ всеобъемлимости ума, его теоретичности и важности для общаго міровоззрѣнія тѣхъ вопросовъ, на которые онъ направленъ. Это, конечно, въ данномъ случаѣ, деталь; для насъ же в а ж е н ъ в о о б щ е ф а к т ъ с у щ е с т в о в а н і я і е р а р х і и м е ж д у р а з л и ч н ы м и т и п а м и у м о в ъ . Далѣе: разъ умы различнаго типа могутъ быть рассматриваемы какъ различныя ступени развитія духа, то тутъ вполне допустима слѣдующая любопытная терминологія, а именно: про Форда и Ньютона, напр., можно съ полнымъ правомъ сказать, что хотя оба они умные люди, но Ньютонъ у м н ѣ е , Ньютонъ б о л ѣ е о д у ш е в л е н ъ , нежели Фордъ, т. е.

на лѣстницѣ развитія онъ дальше отстоитъ отъ амебы и мертвой матеріи вообще, нежели Фордъ; можно кромѣ того сказать, что умъ Ньютона гораздо чище выражаетъ начало, какъ таковое, нежели умъ Форда. Кромѣ того передвиженіе на лѣстницѣ развитія отъ Форда къ Ньютону можно трактовать какъ очищеніе духовнаго начала отъ начала матеріальнаго. Примѣняя гноеологическую терминологию можно сказать, что Ньютонъ болѣе субъектъ (познанія), нежели Фордъ, въ томъ же смыслѣ, въ какомъ человѣкъ вообще болѣе субъектъ, нежели животное или растеніе.

Этотъ вопросъ о субординаціи человѣческихъ сознаній я болѣе подробно разсматриваю въ своей книгѣ: «Le Concept du Beau», (ed. «Les Presses Modernes», Paris 1930).

Усвоивъ все сказанное и обратившись къ опыту, постараемся грубо намѣтить въ человѣческой исторіи нѣсколько типовъ такихъ, взаимно субординированныхъ, умовъ. Я написалъ «грубо», т. к. въ дѣйствительной жизни такихъ типовъ безконечное количество. Что же касается наиболѣе знаменательныхъ типовъ, то таковыхъ, по моему, имѣется три: умъ война-вождя, умъ коммерсанта-инженера и умъ философа-ученаго, которые въ человѣческомъ олицетвореніи даютъ «Атиллу», «Форда» и «Канта». Подобную мысль какъ извѣстно, имѣлъ и Платонъ (въ «Республикѣ»), но порядокъ относительной цѣнности у него другой, а именно: у него куппы ниже воиновъ, а воины ниже философовъ, тогда какъ у меня «Форды» выше «Атиллы», а «Канты» выше «Фордовъ». Дальше я укажу, что исторія, повидимому, подтверждаетъ мою точку зрѣнія.

Намѣтивъ типы «Атиллы», «Форда» и «Канта», слѣдуетъ замѣтить, что каждый изъ нихъ

въ области другого — форменный ребенокъ. Поэтому я не сомнѣваюсь, что, напр., въ коммерческихъ дѣлахъ Кантъ всегда спрашивалъ совѣтовъ своего друга купца-англичанина; однако я въ то же время увѣренъ, что слѣдуетъ разсматривать какъ нѣкоторое преувеличеніе и актъ великодушія со стороны Канта, — что яко-бы онъ не написалъ ни одной главы своей «Критики», не обсудивъ ея предварительно совмѣстно съ упомянутымъ пріятелемъ. Кроме того любопытно, что въ обыкновенной и гражданской войнахъ современные властители (т. е. «Форды» и «финикиане») постоянно стушоваются передъ «Атиллами» и власти предпочитаютъ «Земскій Союзъ» и разные «Аркисы» (что дѣлаютъ часто также и «Канты»).

Если взять теперь мою схему типовъ ума и перейти къ интересующему насъ аксіологическому моменту въ развитіи права, то получается слѣдующее. Развитіе метафизическаго сознанія людей можно свести, повидимому, къ тому, что, считая вначалѣ высшей формой духовности умъ «Атиллы», они начинаютъ постепенно очищать понятие сознанія отъ всего физическаго и передаютъ пальму первенства сперва «Форду», а потомъ отъ «Форда» — «Канту». Поэтому правовое сознаніе человѣчества, стремясь къ тому, чтобы въ жизненной борьбѣ рѣшающимъ факторомъ было духовное начало, — постепенно такъ перерабатываетъ свои законы, т. е. «правила игры», чтобы, — тогда какъ раньше побѣдителями изъ борьбы выходили «Атиллы», — въ дальнѣйшемъ выходили-бы «Форды», а потомъ — «Канты». Это объясняется тѣмъ, что умъ «Форда» въ гораздо болѣе чистомъ видѣ является духовнымъ началомъ, нежели умъ «Атиллы»; то же можно сказать объ умѣ «Канта», въ отношеніи къ уму «Форда».

Изъ рукъ «Атиллы» въ руки «Форда» власть переходитъ благодаря тому, что человѣчество начинаетъ сознавать несправедливость того, чтобы «способный» подчинился бы «грубой силѣ». Поэтому область «грубой силы» регламентируютъ, устанавливаютъ «земскій миръ», т. е., другими словами, создаютъ такую обстановку, чтобы у «Атиллы» были подрѣзаны крылья и чтобы ихъ свойства не являлись рѣшающими въ жизненной борьбѣ. Но если несправедливо, чтобы способный «Фордъ» подчинялся грубому «Атиллѣ», не является-ли такимъ-же несправедливымъ, чтобы гениальный «Кантъ» подчинялся какому-либо ловкому спекулянту или биржевому дѣятелю? На это возражаютъ тѣмъ, что указываютъ на роль дѣльцовъ въ созданіи матеріальныхъ благъ, которыя имъ поэтому и должны по праву принадлежать. Но, прежде всего, ихъ участіе чисто духовное, т. к. они сами не кладутъ кирпичей строящагося дома, а кромѣ того, учли-ли вліяніе «Кантовъ» на созданіе матеріальныхъ цѣнностей? Вѣдь это они своими идеями обусловили переходъ власти отъ «Атиллы» къ «Фордамъ» и, уничтоживъ военный строй, перевели человѣчество къ промышленному. Это они создали тотъ порядокъ, при которомъ «Форды» могутъ плодотворно работать. Вспомнимъ роль легистовъ въ Средніе Вѣка съ ихъ идеей римскаго права — и мы поймемъ роль «Кантовъ» въ созданіи земскаго, буржуазнаго мира.

§ 10.

Теперь, воспользовавшись приведенными выше соображеніями мы можемъ намѣтить три фазы въ развитіи человѣческаго правосознанія:

а) К с и ф о к р а т і я (власть меча) или военно-феодальный строй. — Тутъ на гребнѣ

волны жизни находятся «Атиллы», психическія свойства которыхъ метафизическимъ сознаниемъ эпохи признаются за высшее проявленіе духовнаго начала. Высшими цѣнностями въ связи съ этимъ считаются смѣлость, рѣшительность и жестокость. «Канты» и «Форды» находятся въ подчиненіи, причемъ «Фордамъ» позволяютъ торговать, подстригая ихъ время отъ времени, «Канты» же чешутъ на ночь засыпающему сеньору пятки и рассказываютъ ему сказки. Все общество дѣлится на господъ и рабовъ. Переходъ къ послѣдующей эпохѣ опредѣляется дѣятельностью «Кантовъ», которые, въ личинѣ легистовъ, надсаживаютъ грудь, доказывая, что обладаніе физической силой и смѣлостью не является достаточнымъ основаніемъ, чтобы побѣждать въ жизненной борьбѣ. Благодаря ихъ проповѣди устанавливается «земскій миръ», плоды котораго пожираютъ не они, а «Форды», и возникаетъ вторая фаза развитія права.

в) П л у т о к р а т і я (власть денегъ) или промышленная фаза. — Путемъ регламентаціи и ограниченія права силы, у «Атиллъ» подрѣзываются крылья и борьба отступаетъ на новыя, экономическія, позиціи, гдѣ рѣшающую роль играютъ свойства «Фордовъ» и «финикіанъ». Господами жизни поэтому являются «Форды» и «Шейлоки», и ихъ практическая сметка считается высшей формой духовнаго начала. «Атиллы» и «Канты» подчинены и все общество дѣлится на патронъ и служащихъ, или же буржуа и пролетаріевъ. Интереснѣе всего это то, что Марксъ и экономисты не являются, повидимому, врагами буржуазнаго строя: наоборотъ, они только доканчиваютъ то, что раньше начато было легистами, т. е. окончательно его утверждаютъ. Настаивая на

относительной промышленной цѣнности рабочихъ въ буржуазномъ строѣ, они только уничтожаютъ остатки феодальной эпохи. Дѣло въ томъ, что въ первое, переходное, время п а т р о н ы смѣшивали себя съ господами и на с л у ж а щ и х ъ смотрѣли какъ на рабовъ. Экономисты же, превративъ окончательно новую аристократію въ патроновъ, а новую демократію — въ служащихъ, давъ имъ ихъ часть въ производствѣ, — только укрѣпили новый строй и очистили его отъ слѣдовъ предыдущаго. Мы въ данный моментъ находимся именно въ указанной фазѣ. Какова-же фаза будущаго и кто въ ней будетъ побѣждать въ жизненной борьбѣ? Принято думать, что на вершинѣ жизни будутъ находиться пролетаріи вообще, что вѣрно только относительно о д н о й ихъ части. Пролетаріи вообще уже получили по своимъ заслугамъ, хотя ихъ положеніе можетъ еще улучшиться. Я думаю, что господами будущаго будутъ «Канты» (т. е. ч а с т ь теперешнихъ пролетаріевъ), причемъ процессъ перехода къ новому строю будетъ аналогиченъ переходу отъ ксифократіи къ плутократіи.

с) П н е в м о к р а т і я (власть духа) или философская фаза — строй будущаго, если только наши построенія были правильны. Въ буржуазномъ строѣ «Форды» господствуютъ, а «Канты» подчиняются и живутъ милостыней. Интересно, что въ наше время быть на вершинѣ жизни благодаря наукѣ — почти нельзя, и тѣ немногіе ученые, которые г о с п о д с т в у ю т ь своимъ ремесломъ, должны обладать изрядной долей свойства «Фордовъ» и «Шейлоковъ». Въ данное время въ наукѣ, какъ и во всемъ, важно не творчество, а сбытъ: нужно создать на копейку, а продать на рубль, другими словами, нужно проявить тотъ же «фордизмъ». Новая философская фаза насту-

пить тогда, когда практическая сметка будет признана низшей формой духа по отношенію къ научному генію. Тогда область экономическихъ отношеній будетъ, повидимому, такъ своеобразно регламентирована и положительное право такъ модифицировано, — чтобы жизненная борьба отступила на новыя, чисто-интеллектуальныя позиціи, и чтобы рѣшающимъ моментомъ въ жизненной борьбѣ былъ разумъ, а не практическая сметка. Въ этой фазѣ господь и рабовъ, патроновъ и служащихъ замѣнятъ учителя и ученики. Эта рискованная, граничащая съ чистой фантазіей, гипотеза высказана мною только потому, что къ ней неизбѣжно приводитъ мое пониманіе основной идеи развитія права, заключающееся въ томъ, что матеріальныя цѣнности и власть (т.е. полнота жизни) стремятся быть адекватными цѣностямъ духовнымъ. Кромѣ того нѣкоторыя наблюденія надъ политической жизнью народовъ, какъ-будто-бы наводятъ умъ на ту же мысль. Отдаленнымъ намекомъ на эту тенденцію являются, повидимому, власть адвокатовъ во Франціи, надъ которой такъ потѣшаются, и правленіе проф. Масарика въ Чехословакіи, который какъ-бы осуществляетъ мечту Платона.

Интересно отмѣтить, что отмѣченная выше тенденція общаго правосознанія все больше и больше регламентировать и «соціализировать» низшія стороны жизни обнаруживаетъ интересную аналогію съ установленіемъ привычекъ въ жизни отдѣльнаго человѣка. Дѣйствительно, всѣ мыслящіе люди знаютъ, что привычки въ мелочахъ какъ-бы раскрѣпощаютъ сознаніе и даютъ ему возможность сосредоточиться на самомъ для него важномъ — причемъ это объясняется тѣмъ, что привычныя, механическія дѣй-

ствія становятся безсознательными и тѣмъ самымъ освобождаютъ духовную энергію для высшихъ цѣлей. Переходя къ правовой сферѣ, можно по аналогіи сказать, что человѣческій коллективный духъ, все больше и больше «соціализируя» и механизируя низшія стороны жизни, какъ-бы стремится сосредоточиться на высшихъ. Это объясненіе, несомнѣнно пришлось-бы по вкусу проф. Бергсону.

Сдѣлаю одно добавочное замѣчаніе. Въ своей схемѣ я разсматривалъ все время духъ съ его теоретической стороны. Что же касается стороны моральной, то тутъ вопросъ чрезвычайно усложняется и требуетъ особаго разсмотрѣнія, на которое я пока не рѣшаюсь. Однако интересно отмѣтить, что эпоха господства низшей формы духа (Средніе Вѣка) даетъ, повидимому, большій просторъ проявленію нравственной силы. Чѣмъ неадекватнѣе право, тѣмъ болѣе обширно поле дѣятельности моральной доблести. Оттого-то нравственная сторона отдѣльныхъ личностей лучше всего и обнаруживается во время революцій, когда рушится санкція закона. Кромѣ того этимъ, повидимому, объясняется обаяніе и романтизмъ рыцарской эпохи. Въ связи съ этимъ, у меня возникаетъ догадка: не потому ли обликъ «воина» какъ-то моральнѣе и чище облика «купца» и не потому-ли Платонъ (очевидно, по недоразумѣнію) помѣстилъ воиновъ вслѣдъ за философами?

Какъ резюмэ всего сказаннаго выше относительно права, мы можемъ, въ заключеніе, представить его развитіе въ слѣдующемъ видѣ. Человѣческое правосознаніе склонно все больше и больше регламентировать жизнь, но эта регламентація не имѣетъ ничего общаго съ социализмомъ, который роковымъ образомъ превращаетъ

в сѣхъ въ рабовъ. Наоборотъ: истинная природа развитія права заключается именно въ томъ, чтобы обезпечить человѣчеству большую свободу, причемъ свободу высшаго порядка, регламентируя тѣ стороны жизни, которыя признаны какъ-бы «физическими», и такъ модифицируя законодательство, т. е. «правила игры», чтобы рѣшающимъ факторомъ въ жизненной борьбѣ былъ духъ, понятіе котораго все время утончается и очищается, т. к. къ нему предъявляютъ, въ смыслѣ цѣнности, все новыя и новыя требованія. Такимъ образомъ, борьба и соревнованіе не уничтожаются, а только переносятся на новыя позиціи — позиціи высшаго порядка.

Свою идею развитія права я противопоставляю какъ социализму, такъ и либерализму, и называю — по послѣднему, самому важному, моменту его эволюціи — **п р а в о в ы м ъ а к с і о л о г и з м о м ъ .**

Н и к о л а й А. Р е й м е р с ъ .

Августъ 1932 г.

Парижъ.